

A decorative flourish is positioned above the title. The title itself is written in a large, elegant, light-colored serif font. In the bottom left corner, there are several sprigs of purple lavender flowers resting on a wooden surface.

ЗАГАДКА ЛАВАНДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ

Дом у старой пристани

An open, antique-style book with handwritten text and a botanical illustration of a plant with small flowers lies on a wooden surface. A black fountain pen with gold-colored accents is placed diagonally across the right page of the book.

АНДРЕЙ КОНТ

A decorative flourish is positioned below the author's name.

Андрей Конт

**Загадка лавандовой библиотеки.
Дом у старой пристани**

«Автор»

2026

Конт А.

Загадка лавандовой библиотеки. Дом у старой пристани /
А. Конт — «Автор», 2026

После событий «Рукописи, которой не было» Анна Морозова остаётся в Цветочном — среди книг, старых домов и людей, которым уже нельзя делать вид, что прошлое их не касается. Неописанная запись 1912 года приводит её к дому у старой пристани: «С берега его больше не видно». Вместе с Семёном Орловым, Дарьей Романовой, Егором Соколовым и музейными специалистами Анна восстанавливает судьбу временной читальни, куда во время паводка переносили книги. Но главное испытание оказывается не в поиске исчезнувшего дома. Сорок две рукописи Лавандовой библиотеки требуют бережного хранения, ясной описи и решения, кому на самом деле принадлежит память города. «Дом у старой пристани» — заключительная книга цикла «Загадка лавандовой библиотеки»: уютный детектив о доверии к документам, ответственности и праве прошлого быть открытым.

© Конт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Конт

Загадка лавандовой библиотеки. Дом у старой пристани

Глава

Глава 1. Дом, которого нет

В марте Волга начинала шуметь раньше, чем становилось по-настоящему тепло.

Ночью лёд ещё держался у берега тёмной, неровной полосой, но днём по нему уже бежала вода. Она собиралась в тонкие блестящие дорожки, исчезала в трещинах и появлялась дальше, как будто река пробовала на прочность собственное терпение.

Анна проснулась от этого шума, хотя окно мансарды было закрыто.

Несколько секунд она лежала, не открывая глаз, и слушала. В Москве март звучал иначе: машинами под окнами, капелью с карнизов, дверьми подъезда, которые хлопали чаще обычного. Здесь сначала слышалась вода. Потом — одинокая ворона на крыше соседнего дома. Потом уже всё остальное.

На стуле у кровати лежал её свитер, на спинке — тёмные джинсы. Внизу, в библиотеке, ждали письма от Громова, две коробки с бумагой для бескислотных прокладок и Дарья, которая обещала приехать к десяти «без опозданий и без лишних разговоров». Последнее, как знала Анна, было почти невозможным: Дарья умела не говорить о пустом, но вокруг рукописей пустого обычно не оставалось.

Анна встала, подошла к окну и отодвинула штору.

Цветочное было серым, мокрым и почему-то очень живым. На площади у фонаря мужчина в резиновых сапогах сбивал лопатой лёд с тротуара. У пекарни уже горел свет. По Пушкинской медленно ехала машина коммунальщиков, оставляя за собой запах сырого песка. Над рекой висел туман, но не зимний, неподвижный, а лёгкий, с просветами.

— Началось, — сказала Анна тихо.

Снизу ответило недовольное мяуканье.

Барсик сидел на площадке лестницы и смотрел на неё так, будто вода на Волге, ранний подъём и отсутствие завтрака были одинаково её личной виной.

— Доброе утро и тебе, — сказала Анна. — Не делай вид, что ты здесь один работаешь.

Кот отвернулся и пошёл вниз, медленно, с тем достоинством, которое было доступно только очень толстым рыжим котам и людям, никогда не проверяющим электронную почту до кофе.

В библиотеке было прохладно. За ночь печь успела погаснуть, и от пола тянуло сыростью. Анна включила свет в читальном зале, поставила чайник и несколько секунд смотрела на стеллаж у левой стены.

Он стоял на месте так же, как всегда: тёмный дуб, ровные полки, книги с потёртыми корешками. Если не знать, что за ним была ниша, можно было бы прожить рядом всю жизнь и ничего не заметить.

За последние месяцы Анна перестала смотреть на него с тревогой. Сначала ей казалось, что стеллаж каждый день напоминает о долге, который оставила ей тётя Вера. Потом — что он хранит слишком много чужих голосов и требует от неё правильного ответа. Теперь он был просто частью работы. Тяжёлой, медленной, иногда почти непосильной, но всё-таки работы.

Она сняла с полки большую папку с текущей описью. На обложке Дарьиным ровным почерком было написано: «Р-44. Рабочие материалы. Март».

Внутри лежали карточки, фотографии, распечатки, несколько листов с замечаниями Ольги по хранению. Верхний лист Анна узнала сразу. На нём они с Дарьей вчера вечером составили список того, что ещё оставалось описать.

Несколько карточек с пометкой «описать».

Анна провела пальцем по строчке и почувствовала знакомое, почти детское облегчение. Сорок два ящика в тот день, когда стеллаж впервые сдвинулся, казались ей не архивом, а стеной. Теперь у стены появился край. Не конец — она уже знала, что у документов не бывает окончательного конца, — но хотя бы место, откуда видно пройденное.

Дверной колокольчик звякнул в десять без трёх.

— Я рано? — спросила Дарья с порога.

На ней была тёмно-зелёная куртка, на плечах — мелкие капли дождя. В одной руке она держала термос, в другой — папку, которой, судя по всему, могла бы отбиться от небольшой собаки.

— На три минуты, — сказала Анна. — Это почти безупречно.

— Запишу как личное достижение.

Дарья сняла куртку, оглядела стол и сразу заметила открытую папку.

— Начнём с последней?

Анна кивнула.

Последняя рукопись лежала в серой архивной коробке на верхней полке шкафа. Они не оставили её напоследок потому, что она казалась опасной или особенно ценной. Просто

после истории с поддельной страницей у всех кончились силы. Тогда, в ноябре, Дарья открыла тетрадь, увидела запись на полях, сказала: «Сначала проверим карты», — и закрыла её снова.

Потом были выставка, документы для музея, объяснения, звонки, письма, первые правила доступа к фонду. Потом зима. Потом снег, который лёг на Цветочное так плотно, что адрес ниже часовни стал казаться не загадкой, а чужой строчкой из другого времени.

Анна достала коробку, положила её на стол и сняла крышку.

Внутри лежала тонкая тетрадь в сером картонном переплёте. Нитки на корешке были целы, но ослабли. Бумага потемнела по краям, как старые яблочные дольки, которые слишком долго держали на воздухе.

— Общая характеристика? — спросила Дарья, уже доставая карандаш.

— Сначала посмотрим ещё раз, — ответила Анна. — Без желания немедленно всё объяснить.

Дарья подняла на неё взгляд.

— Это ты сейчас мне говоришь или себе?

— Всем.

Дарья улыбнулась едва заметно.

Они надели перчатки. Анна включила лампу с холодным светом и осторожно раскрыла тетрадь. Первые страницы занимали ровные столбцы: даты, фамилии, названия книг, короткие пометы о возвращении. Почерк менялся несколько раз. Где-то запись была сделана чернилами, где-то карандашом. На одном развороте сохранился засушенный лист — не нарочно вложенный, а будто забытый между страницами много лет назад.

— Похоже на книгу выдачи, — сказала Дарья. — Но не библиотечную в современном смысле. Смотри: вот «Робинзон», вот «Жития», вот пособие по арифметике. И рядом — не номера, а имена.

— Домашняя читальня?

— Возможно. Или что-то между домашней и общественной. Надо не угадывать.

Анна перелистнула ещё несколько листов.

На полях одной страницы проступили цифры: «1911». Дальше, через два разворота, стоял 1912 год. Записи делались торопливее. В колонке возвращений всё чаще появлялись прочерки. Один раз кто-то написал: «не брать до воды».

Анна остановилась.

— Вот.

Дарья наклонилась ближе.

У нижнего края страницы, почти в самом углу, шёл короткий текст. Не основным почерком. Он был написан более тёмными чернилами, мелко и так близко к краю, словно человеку не хватило места или времени.

«Дом у старой пристани. Берег ниже часовни. С берега его больше не видно».

Ниже стояла дата: «май 1912».

В библиотеке тихо щёлкнул чайник.

Анна читала эти слова уже не в первый раз. Но сейчас, когда за окнами шумела мартовская вода, они звучали иначе. Не как обещание тайны. Скорее как чья-то очень практичная инструкция, оставленная человеку, который должен был успеть до того, как река поднимется ещё выше.

— Слова «с берега» меня всё время цепляют, — сказала Дарья. — Если дом стоял на берегу, с чего бы его не было видно с берега?

— Может быть, имели в виду с верхней дороги.

— Возможно. Но тогда почему не написать «с дороги»?

Анна не ответила. Она наклонила лист к свету, не касаясь чернил. Бумага в этом месте чуть загибалась, как будто тетрадь долго держали открытой именно на этой странице. У корешка виднелась тонкая полоска старой влаги.

— Мы можем установить, когда сделана запись точнее? — спросила Дарья.

— Предварительно — да. Сравнить чернила с датой. Посмотреть, не было ли исправлений. Но это не даст нам дома.

— Дом должны дать карты.

— Если он вообще был на картах.

Дарья задумалась.

— Егор говорил, что смотрел планы. Правда, бегло. После выставки у него в школе была олимпиада, потом отчёты.

— Напишем ему?

— Я уже, — призналась Дарья.

Анна посмотрела на неё.

— Когда успела?

— Пока шла от машины. Я умею делать несколько полезных вещей подряд.

— Это почти хвастовство.

— Это наблюдение.

Телефон Дарьи завибрировал на столе. Она взглянула на экран.

— Будет через двадцать минут. Говорит, принёс всё, что нашёл. И что старой пристани на большинстве карт нет, потому что она «давно никому не интересна». Это его слова, не мои.

— Ему иногда нужно сказать фразу чуть громче, чем он сам думает, чтобы проверить, не обидится ли на неё мир.

— А мир?

— Обычно обижается. Но не сразу.

Дарья тихо рассмеялась.

Анна закрыла тетрадь и отложила её на чистую подложку. Вода за окном стучала по отливу. Барсик появился из подсобки, обошёл стол, остановился возле коробки и понюхал воздух с таким видом, будто ему предложили участвовать в экспертизе без соответствующей оплаты.

— Даже не думай, — сказала Анна.

Кот сел рядом с её стулом.

— Это и есть его ответ, — заметила Дарья.

Через двадцать минут пришёл Егор. Он был без шапки, с мокрыми волосами и длинной картонной тубой под мышкой. За ним тянулся холодный воздух улицы.

— Простите, — сказал он. — У школы прорвало трубу в кабинете труда. Ничего драматичного, но почему-то именно в день, когда я собирался спокойно уйти пораньше.

— Школа чувствует, когда учитель собирается заняться чем-то интереснее отчётов, — сказала Дарья.

— Она мстит.

Егор поставил тубу на стол, заметил тетрадь и сразу стал серьезнее.

— Это она?

Анна кивнула.

Он развернул первый план. Бумага была плотной, с новыми складками: видимо, карту недавно достали из шкафа и ещё не успели приучить к свету. На ней Цветочное выглядело меньше, чем сейчас. Улицы спускались к реке проще, без набережной, без поздних домов. Часовня была обозначена крошечным прямоугольником, пристань — чёрной линией у воды.

— Это план 1908 года, — сказал Егор. — Потом 1914-й. Потом двадцать шестой. Я смотрел все, что есть в школьной копии и в музейной подборке.

Он разложил листы рядом.

Анна, Дарья и Егор наклонились над ними.

На первом плане под часовней было пусто. На втором — тоже. На третьем линию берега уже пересекала широкая штриховка, а рядом стояла короткая подпись: «обвал».

— Никакого дома, — сказала Дарья.

— Никакого, — подтвердил Егор. — Есть склад купца Руднева выше по берегу. Есть дом смотрителя в другой стороне. Есть пристань. Но дома ниже часовни нет.

— Может быть, его не внесли, — сказала Анна.

— Дом?

— Сарай. Временную постройку. Что-то, что не считали городским домом.

Егор посмотрел на запись в тетради.

— Но тот, кто писал, назвал его домом.

— Люди не всегда называют вещи так, как называют их в планах, — сказала Дарья. — Особенно если пишут для своих.

Он кивнул, но не сразу.

На полях карты 1926 года карандашом была сделана ещё одна помета. Почерк явно современный, крупный: «Нижняя линия смыта весной 1923». Рядом кто-то поставил вопросительный знак.

— Это чья запись? — спросила Анна.

— Не знаю. Карта из копии, оригинал в администрации. Я хотел спросить у Ольги, но не успел.

Дверь библиотеки снова звякнула.

Семён вошёл без папки и без формы — в тёмном свитере, мокрой куртке и с телефоном в руке. Он поздоровался со всеми, снял куртку, заметил разложенные карты.

— Значит, дошли до последней тетради, — сказал он.

— Дошли, — ответила Анна. — И уже успели потерять дом.

Он подошёл к столу.

— Это не самая плохая новость на сегодня.

Анна подняла на него глаза.

Семён не говорил так, чтобы напугать. Он вообще редко говорил с запасом на чужой страх. Но сейчас его ладонь лежала на спинке стула слишком неподвижно.

— Что случилось?

— В администрации подписали график работ по укреплению нижнего берега. Начинают через две недели. Участок ниже часовни входит в первую очередь.

Егор медленно выпрямился.

— Там, где старая пристань?

— Да.

— И что они будут делать?

— Убирать аварийные деревья, ставить подпорную стену, снимать часть грунта. До начала работ туда зайдут инженеры и комиссия по обследованию. Формально всё правильно.

— А неформально? — спросила Дарья.

Семён посмотрел на тетрадь.

— Неформально у нас две недели, чтобы понять, о чём говорит эта запись. И достаточно ли это важно, чтобы попросить обследовать участок внимательнее.

Анна снова посмотрела на строчку, написанную в мае 1912 года.

Дом у старой пристани.

Берег ниже часовни.

С берега его больше не видно.

В этих словах не было ни угрозы, ни тайного знака. Только адрес. Старый, неудобный, почти бессмысленный без города, которого уже не существовало.

Но от того, что он был простым, он не становился менее важным.

Барсик запрыгнул на свободный стул и сел, поджав лапы. Чайник давно остыл. На карте медленно расправлялась складка, проведённая через реку.

Анна положила ладонь рядом с тетрадью, не касаясь её.

— Тогда сначала найдём дом, — сказала она.

Семён кивнул.

За окнами Волга ломала лёд.

Глава 2. Нижняя линия

На следующий день дождь не прекратился, но стал мельче.

Он висел в воздухе почти невидимой пылью, оседал на перилах, на крышах машин, на рыжей шерсти Барсика, когда тот по ошибке решил выйти на крыльцо. Кот немедленно передумал, вернулся в библиотеку и долго вылизывал лапу с видом человека, которого предали лично.

Анна пришла к десяти с папкой под мышкой и термосом, который Маша вручила ей через стойку.

— Кофе, — сказала она. — И два пирожка с капустой.

— Я не просила пирожки.

— Поэтому я и дала. Просила бы — пришлось бы обсуждать.

— Маша.

— Что? Ты с утра уйдёшь в администрацию, потом забудешь про обед, потом вернёшься с лицом человека, который три часа спорил с бумагой и проиграл. Я тебя знаю.

Анна хотела возразить, но не стала. Возражать Маше было всё равно что пытаться сдвинуть книжный стеллаж голыми руками: теоретически возможно, практически — не стоит.

В читальном зале Дарья уже сидела у окна. Перед ней лежала вчерашняя тетрадь, раскрытая на странице с записью 1912 года. Рядом стояли лупа, карточка описи и три листа, исписанные её мелким почерком.

— Ты рано, — сказала Анна.

— Нет. Это ты пришла поздно.

— На две минуты.

— Я их продуктивно использовала.

Анна поставила термос на стол, сняла пальто.

— И?

Дарья постучала карандашом по карточке.

— Я не могу назвать это экспертизой. Для неё нужны другие условия и сравнения. Но могу сказать то, что видно без домыслов.

Она подвинула лист к Анне.

«Запись на нижнем поле: выполнена до появления поздней нумерации листов. Чернила впитаны в бумагу так же, как соседняя дата. Следов подчистки, копирования и вторичной подшивки нет».

— То есть? — спросила Анна.

— То есть запись находилась в тетради давно. И человек, который её сделал, не пытался выдать современную бумагу за старую. Это не ответ на вопрос, где был дом. Но хотя бы не повторение прошлой истории.

Анна медленно кивнула.

После Павла Лыкова ей иногда казалось, что любая удобная строка на старой бумаге обязательно должна оказаться чужим вмешательством. Она знала, что это несправедливо. И к документам, и к людям. Но знание не всегда сразу меняет привычку смотреть.

— А почерк? — спросила она.

— Не совпадает с основным. Зато похож на одну помету в середине тетради. Там написано: «Книги у Анфисы до сухого». Та же буква «д», тот же наклон. Я хочу снять копии и сравнить нормально.

— Получается, тетрадь вела не одна рука.

— В таких вещах почти никогда не бывает одной руки, — сказала Дарья. — Просто иногда нам хочется, чтобы была.

Дверь открылась, впуская холодный воздух и Егора с большой папкой под курткой.

— Я успел? — спросил он, запыхавшись.

— На целых четыре минуты после назначенного времени, — сказала Дарья.

— Значит, я почти Орлов.

— Семён придёт раньше, — заметила Анна.

Егор посмотрел на часы.

— Это было самоуверенно.

Он положил папку на свободный край стола и вытянул из неё несколько распечаток. На первой был тот же план 1908 года, который они смотрели вчера. На второй — фотография листа с мелкой сеткой, столбцами и неровной линией берега.

— Ольга сказала, что в администрации есть технический архив, — объяснил он. — Не музейный. Туда свозят всё, что никому не хочется раскладывать по красивым папкам: старые планы водопровода, ремонты мостов, береговые схемы. Она позвонила начальнице отдела. Нас пустят до двух.

— Нас? — спросила Анна.

— Если вы можете. Без тебя там лучше не трогать ничего, что выглядит старше меня.

— Это почти всё, — сказала Дарья.

— Я именно это и имел в виду.

До администрации идти было недалеко, но весной Цветочное всегда умело сделать короткую дорогу длинной. На Пушкинской приходилось обходить лужи, которые не решались ни замёрзнуть, ни исчезнуть. У магазина «Волга» с крыши падали тяжёлые капли, и Анна дважды отступала в сторону, чтобы не получить в плечо кусок грязного снега. У площади ветер гонял бумажный пакет, и Барсик, будь он здесь, наверняка посмотрел бы на него с тем же презрением, что и на дождь.

Егор шёл впереди, прижимая папку к боку.

— Я вчера ещё раз посмотрел карты дома, — сказал он. — И не понимаю одной вещи.

— Какой? — спросила Анна.

— Если запись правда относится к дому, почему он нигде не отмечен? Не бывает так, чтобы дом стоял у пристани и его не заметили вообще.

— Бывает, — сказала Дарья. — Если он был не городским домом, а пристройкой. Если входил в чужой участок. Если составитель плана счёл его временным. Или если нам не повезло с картами.

— Ты забыла ещё один вариант, — сказала Анна.

Дарья посмотрела на неё.

— Какой?

— Слово «дом» могло значить не то, что мы сейчас думаем.

Егор нахмурился.

— В каком смысле?

— В самом обычном. Дом могли называть по человеку. Дом Анфисы. Дом у пристани. Не обязательно отдельное строение с адресом и забором.

— Тогда как его искать?

— Сначала понять, что именно тогда называли домом, — ответила Анна.

Администрация занимала старое двухэтажное здание рядом с почтой. Внутри пахло мокрыми пальто, канцелярской бумагой и чем-то сладким из автомата в коридоре. На первом этаже у окна сидели две женщины с папками. Одна говорила по телефону тихо, но с выражением человека, которого слышно на другом конце города. Вторая заполняла таблицу и так быстро щёлкала мышью, будто наказывала компьютер за личную обиду.

Ольга ждала их у лестницы.

— Вы всё-таки пришли, — сказала она вместо приветствия.

— Звучит так, будто вы надеялись на обратное, — заметил Егор.

— Я надеялась, что вы сначала выспитесь. Но раз уж нет — идёте. И, пожалуйста, не ставьте чашки на планы. Это не просьба, это условие моего хорошего отношения к вам.

— У вас есть хорошее отношение? — спросила Дарья.

Ольга посмотрела на неё.

— Иногда.

Технический архив оказался в подвальном помещении с низким потолком. Здесь было сухо, хотя холод стоял такой, что Анна сразу пожалела о том, что оставила в библиотеке шарф. Стеллажи тянулись вдоль стен. На них лежали рулоны, картонные тубусы, папки с выцветшими надписями: «Канализация. 1968», «Мост. Осмотр», «Берег. Аварийные работы».

За узким столом сидела пожилая женщина в вязаном жилете. Она подняла голову, посмотрела на Ольгу поверх очков.

— Это и есть ваши любители старых карт?

— Исследователи, — сказала Ольга.

— Любители тоже исследователи. Только чаще ломают края.

Анна сняла перчатки, которые принесла с собой, и улыбнулась.

— Мы постараемся не ломать.

— Постараетесь — уже неплохо. Я Зоя Петровна. Нужны планы ниже часовни? Смотрите ящик «Пристань». Там не всё по годам, зато всё тяжёлое.

Ящик оказался таким, что Егор с Дарьей подняли его вдвоём. Внутри лежали свёрнутые схемы, перевязанные тесёмкой. Бумага шуршала сухо, и Анна сразу почувствовала себя спокойнее. Старые документы часто выглядели уязвимыми, но если их берегли правильно, в них оставалось больше прочности, чем в людских уверенных словах.

Первые два плана не дали ничего. На одном была размечена глубина у пристани. На другом — ремонт настила после ледохода. На третьем Егор вдруг перестал листать.

— Подождите.

Он развернул лист на столе. В верхнем углу стояла дата: «1913». Линия берега шла ниже часовни, затем делала неровный выступ к воде. У пристани были обозначены склад, навес, спуск и несколько прямоугольников без подписей.

— Вот, — сказал Егор. — Это не на городском плане.

Дарья наклонилась ближе.

Один из прямоугольников стоял отдельно, чуть ниже остальных. От него к пристани шла тонкая пунктирная линия. Рядом было написано мелко, почти неразборчиво: «Нижняя линия. Помещ. № 2».

— Помещение, — прочитала Анна. — Не дом.

— Но может быть тем, что в тетради назвали домом, — сказал Егор.

Зоя Петровна встала из-за стола и подошла к ним, придерживая очки пальцем.

— Это нижний хозяйственный ряд, — сказала она. — Там были склады, сараи, контора пристани. Что именно номер два — по одному плану не скажу. Схемы тогда делали для ремонта, а не для историков. Им было важно, где доски менять.

— А почему его нет на городских картах? — спросила Дарья.

— Потому что городские карты рисуют город. А нижняя линия считалась речным хозяйством. Оно жило своей жизнью. Весной его топило, летом чинили, осенью списывали деньги за ремонт. — Она посмотрела на подпись. — В двадцатые эту часть берега срезало. Потом сделали новую набережную выше. Всё, что осталось снизу, перестало быть адресом.

Анна снова прочитала: «Помещ. № 2».

Вчера это было ничто — слова на полях рукописи. Теперь у слов появилась линия на карте. Тонкая, как волос. Почти смешная в своей недостаточности. Но она соединяла библиотеку, май 1912 года и место под часовней, которое исчезло не потому, что его никогда не было, а потому, что городу стало удобнее строиться выше.

— Есть что-то раньше? — спросила она.

Зоя Петровна подумала.

— Может быть ведомость по паводку. Или опись ремонта. Если помещение топило, оно там должно быть. Но это уже не в ящике «Пристань». Это, скорее всего, в «Берег. Убытки». А там бардак даже по моим меркам.

— Мы можем посмотреть? — спросил Егор.

Зоя Петровна взглянула на часы.

— До двух — можете. Потом мне нужно закрыть помещение и идти на планёрку, где взрослые люди будут полтора часа спорить о цвете папок. Так что давайте быстро.

Ольга взяла с полки тяжёлую серую коробку. На боку карандашом было написано: «1911–1915. Убытки. Вода».

Анна помогла поставить её на стол. Крышка поддалась не сразу. Внутри лежали письма, сметы, промокшие когда-то бланки, списки досок, гвоздей и фамилий. Всё было перепутано не от небрежности, а от времени: бумага пережила слишком много рук, шкафов, переездов и чужого «потом разберём».

Дарья взяла первый лист.

— Здесь 1911-й.

Егор разложил несколько дел по датам. Ольга молча фотографировала номера и подписи. Анна смотрела не столько на текст, сколько на порядок, в котором он возникал. У всякого беспорядка была причина. Иногда причина называлась халатностью. Иногда — водой. Иногда — тем, что люди успели спасти документы, но не успели объяснить, откуда что взялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.